

**О МОРОЗОВЫХ Н. П. и П. П.
— ПЕШКОВОЙ Е. П.**

МОРОЗОВ Николай Павлович, родился в 1890-х (отец, Морозов Павел Павлович, генерал-майор русской императорской армии; мать, Морозова Ольга Николаевна). В 1917 — окончил Императорское училище правоведения. Работал на ответственных постах в отделе утилизации ВСНХ в Петрограде. Занимался также культурно-просветительской театральной деятельностью; член Рабиса; с 1920 — режиссер-администратор театра в Петрограде. 18 июня 1927 — после убийства в Варшаве советского полпреда Войкова арестован в Ленинграде, 8 сентября приговорен к 3 годам ссылки в Сибирь и отправлен в село Дубынино Братского района, куда прибыл 16 октября. В ноябре 1928 — находился там же, в августе 1929 — в селе Чама Братского района Иркутского округа¹. В сентябре 1929 — обратился за помощью к Е. П. Пешковой.

<15 сентября 1929>

«Уважаемая Екатерина Павловна!

Хочу оторвать Вас на 5 минут от Ваших дел и обратиться к Вам с означенным письмом. Но ни я первый, ни я последний Вас беспокоим и ищем заступничества и помощи. Вы являетесь светлым пятном на фоне мрачной жизни нас ссыльных и мысль, что м<ожет> б<ыть> Екатерина Павловна поможет, поддерживает нашу тяжелую жизнь. Я б<ывший> правовед выпуска 17 года, т<о> е<сть> прямо со школьной скамьи попал в стихию революции. С первых же дней установления Советской власти я работал и до момента ареста, т<о> е<сть> до 18 июня, когда после убийства Войкова происходили массовые аресты. По профессии я режиссер-администратор. Первые годы я работал, занимая ответственные места в ВСНХ, работал одновременно в детских клубах, школах, потом перешел на фабрики, заводы — заведовал ими. Работал по кожевенному отделу — отделу утилизации ВСНХ и т<аким> о<бразом> попутно я занимался театральной работой, а с 1920 г<ода> даже поступил воспитателем в Госуд<арственную> Балетн<ую> школу (б<ывшую> императ<орскую>), где послужил недолго, так как перешел работать к известному, наверное, Вам литератору и критику А. Л. Волынскому. Он основал Театр<альный> Хореографический техникум, и я был администратором у него, членом Правления, а после постройки театра — и завед<ующим> театром. Одним словом, правой его рукою. Ездил с ним в Москву к А. В. Луначарскому и под его руководством близко и крепко изучил и искусство, и балет, в частности. После его смерти я должен был быть заведующим техникумом, но театральное училище, все время борющееся с нами, нас победило, и техникум был закрыт. Я занялся режиссерством и администраторством, готовясь попутно по режиссерской линии, ибо была возможность впоследствии попасть на серьезную сцену в б<ывший> Михайловский театр. Я был приглашен Госуд<арственным> Андреевским Великорусским оркестром администратором для поездки его в Европу и Америку и даже получил заграничный паспорт, но поездка не состоялась. Не буду перечислять всего стажа моего, ибо одновременно много всюду работал и администрировал. Желая изучить дело кино съемки и бутафории, я год целый работал в мастерской художника-декоратора Толмачева и был работником и администратором по этой части в постановках картин "9 января" и "Декабристы". Жизнь моя, как видите,

¹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1: Д. 64. С. 138; Д. 221. С. 310; Д. 244. С. 191-194; Д. 247. С. 401-403; Д. 328. С. 119-131; Д. 378. С. 232.

бурная и многообразная, и время для отдыха было лишь несколько часов. Последнее время, полтора года до ареста я стал работать в Ленингр<адском> Посредрапте, вскоре выдвинулся своей энергией и здесь. Носил я звание уполномоченного, и в моем ведении была вся театральная работа во всех пригородах Ленинграда и области и в очень большом количестве рабочих клубов Ленинграда. На этой работе меня и застал арест. Как я заключил из всего пережитого и допросов, я был просто взят, как б<ывший> правовед. Все обвинения или вернее подозрения настолько абсурдны, что и говорить об них даже не хочется. Я, просто разобравшись, понял властей так: "Взяли на всякий случай". К тому же арестовали одновременно со мною и моего отца, б<ывшего> генерала, который за все 11 лет Советской власти только и делал, что честно работал, последнее время даже в качестве простого рабочего. Но он, увы, б<ывший> генерал, но я-то тут при чем? Разве я виноват, что родился не там, где нужно, учился не там, где нужно по теперешним понятиям. Знаете, Екатерина Павловна, я человек молодой был в 17 году и все эти десять, вернее 12 лет революции не могли не отразиться на мне. Я еще был с не сложившимися взглядами на жизнь, с неизвестными взглядами на все и, конечно, я на много-много процентов воспринял новую жизнь и взгляды на все. Как я сказал следователю, меня допрашивающему, что на 75% "за советс<кую> власть и на 25% против", т<о> е<сть> многое мне еще не совсем понятно, что дальнейшая жизнь только сможет разъяснить. С момента образования союзов я в них состоял, а в Союзе Раб<отников> Искусств — с момента его образования и по день ареста. Имел 4-х летний стаж общественной работы, был на службах уполномоченным от служащих, председателем мест<ных> ком<итет>ов, членом рев<изионных> комиссий. Арест, ссылка нанесли большой мне удар. "За что, — спрашивал я себя, — за то, что я был всегда лоялен". Работал, как проклятый, и м<ожет> б<ыть>, и невелика была моя польза для страны, но не всем суждено же родиться великими. Я отбыл два года, пошел третий год. Из приложенной справки Вы увидите мое здоровье. Это сухая справка. Действительность гораздо хуже этого. Нервная система совершенно размотана, я ослабел совершенно. Дома одна больная мать, у нее 2-я стадия чахотки и подорван весь организм от пережитого горя. Она нетрудоспособна. Сестра больна 3-й стадией чахотки, а сейчас я получил известие, что у нее сделалась горловая чахотка, и вопрос ее жизни лишь несколько дней или недель. Мать останется одна без средств к существованию, ибо больная сестра отдавала себя до кончины своей работой для поддержки меня, отца (он в Коми) и матери. Даже здесь я не мог быть спокоен и во всех местах, где жил, руководил драм<атическими> кружками и хоровыми, рисовал стенгазеты и всячески помогал крестьянам в их стремлении к культуре, к свету и к знанию.

Положение критическое. Заниматься крестьянским трудом я не могу по состоянию здоровья. Не дайте погибнуть, милая Екатерина Павловна! Сделайте все, дабы моя ссылка была заменена, и я смог бы, отдохнув, последние дни своей жизни работать и работать по силе здоровья и кормить себя, мать и отца. Ему труднее освободиться, и вопрос идет лишь хотя бы обо мне. Мне дали статью по ст<арому> кодексу 58-10 без амнистии. Арестован я 18 июня 27 года, а в Сибири с 16 октября 1927 г<ода>. Вся ссылка прошла без единого замечания и пятнышка. Я был честным и не политиком и остался им. Есть ведь люди вне политики, я принадлежу к числу их. М<ожет> б<ыть> это не принято в наше время, но... я из таких. Мне нужно работать, помогать родным, а до остального я не касаюсь и, конечно, мне безумно странно и непонятно, каким это чудом я могу быть опасен Сов<етской> власти, я, который во многом, многом разошелся во взглядах даже с родными и воспринял многое новое. Я буду

ждать от Вас ответа, хотя бы плохого, но какого-нибудь, ибо безвестность хуже всего. Простите за беспокойство.

С уважением Н. Морозов

Сиб<ирский> край, Иркутский округ, Братский район, Больше-Мамырское почт<овое> отд<еление>, село Чама. Николаю Павловичу Морозову»².

В октябре 1929 — к Е. П. Пешковой обратилась за помощью и его мать, Ольга Николаевна Морозова.

«22 окт<ября> 1929 г<ода>.

Глубокоуважаемая Екатерина Павловна

Позвольте мне еще раз Вас тревожить своей просьбой. Освободите мне моего тяжело больного сына. Арестован он 18-го июня 27 г<ода> на улице Ленинграда, Николай Павлович Морозов. Был на Гороховой и в ДПЗ³ на Шпалерной, выслан в Сибирь 8-го сентября. Теперь переведен уже в 3-е село по Ангаре, Большое Мамырское п<очтовое> о<тделение>, село Чама. Крайне тяжелые условия, отсутствие питания, помещения.

Вины у него, правда, нет. Взят он очевидно, как бывш<ий> правовед.

Болен он туберкулезом позвоночника, миокардитом сердца (признали врачи Братска неизлечимым), туберкулез легких 1 стад<ии>, нервное серьезное заболевание.

Кроме тяжелых материальных условий (я медсестра, жал<ование> 53 р<убля>), я сама больна, в 53 года II ст<адия> туберкулеза в активной форме, бациллярная больная, а на днях потеряли единственную дочь от III ст<адии> туберкулеза. Кроме этого у меня в заключении в Кемперпункте находится муж Павел Павлович Морозов, страдающий грудной астмой (взят тоже без обвинения, очевидно, как генерал, б<ывший> гвард<ейский> офицер, вины за собой не знает против советского правительства, — 21-го июня 27 года).

Положение общее такое безвыходное, что я позволяю себе просить Вас облегчить наше существование.

Сын в Сибири получил от Вас ответ, что ГПУ Москвы обещало ему город с медиц<инской> помощью. Это ответ на мою просьбу в Новосибирске. Но там ему не разрешат работать, т<о> е<сть> зарабатывать, и только полная свобода даст ему эту возможность. Врачи все не разрешают мне служить, говоря, что я погибну, и только совместная теперь жизнь с сыном даст нам возможность как-то существовать.

Я не позволяю себе просить Вас о муже, думая, что это труднее по его социальной, якобы, неблагонадежности (как бывш<ий> генерал).

Прошу Вас простить меня за беспокойство.

Ольга Морозова

Ленинград, Наб<ережная> 9-го января, 3б, кв. 5.

Тел<ефон>: 576-25»⁴.

В ноябре 1929 — Николаю Павловичу Морозову было сообщено заведующим юридическим отделом Помполита, что его дело на пересмотре. В январе 1930 — в досрочном освобождении ему было отказано. 8 июня 1930 — благодаря новому ходатайству Помполита был освобожден с ограничением проживания на 3 года (-6). Поселился во

² ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 328. С. 120-121. Автограф.

³ Дом предварительного заключения.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 328. С. 130-131. Автограф.

Ржеве Западной области⁵. С декабря 1932 — Николай Павлович Морозов был отправлен в Сычевку под Ржевом, в июне 1933 — освобожден, поселился во Ржеве, работал в городском театре. В августе 1933 — обратился за помощью к Екатерине Павловне Пешковой.

<9 августа 1933>

«Комитету помощи полит<ическим> заключенным
Е. П. Пешковой.

б<ывшего> адм<инистративно>
высл<анного> Морозова Николая
Павловича, Зап<адная> обл<асть>
Г<ород> Ржев. Гор<одской> театр

Заявление

Обращаюсь к Вам в третий раз с просьбой помочь мне и выяснить то нелепое положение, в котором я очутился. Последние шесть месяцев моей высылки (с 18 Июня 1930 г<ода> по 18 Июня 1933 г<ода>) я проживал и состоял на учете в ОГПУ г<орода> Сычевки Зап<адной> обл<асти>. 18 Июня кончился мой срок, и как мне было объявлено, мои бумаги и дело переслано в П<олномочное> П<редставительство> ОГПУ Зап<адной> обл<асти> <в> г<ород> Смоленск на утверждение. До этого я имел от Помполита отношение за № 3858 от 2/VI с извещением меня, что мое ходатайство о выдаче мне бумаг направлено также <в> П<олномочное> П<редставительство> ОГПУ г<орода> Смоленска, т<ак> к<ак> проживать более в Сычевке я не мог материально за отсутствием работы, то я с разрешения Сычевского и Ржевского ГПУ переехал в г<ород> Ржев, где и поступил вновь на работу в гор<одской> театр. При переезде мне никаких документов выдано не было. Я прожил почти два месяца безо всяких документов. Ни мои письменные и устные заявления в ОГПУ Сычевки и Смоленска не имели результатов. Я жил форменным беспризорным и лишь то, что меня знали как работника и в Ржеве, и в театре, и проживание мое в самом театре дало мне возможность просуществовать эти два месяца без документов, удостоверяющих мою личность и положение. 8-го Августа я был лично в П<олномочное> П<редставительство> ОГПУ в г<ороде> Смоленске, где лично просил о выдаче мне бумаг. Согласно полученному мною ответу там не имелось ни моего дела, никаких бумаг вообще обо мне и в частности об окончании мною высылки. Возвращаясь в г<ород> Ржев, я заехал в Сычевку, где уполн<омоченный> Сыч<евского> ОГПУ мне подтвердил, что все дело мое было переслано в П<олномоч-ное> П<редставительство> ОГПУ г<орода> Смоленска. Получился какой-то заколдованный круг. Между тем 6-го августа Президиум Гор<одско-го> совета г<орода> Ржева снимает меня с работы в театре как б<ывше-го> адм<инистративно> высл<анного> и не имеющего никаких бумаг. Ни проживать на частной квартире, ни переехать в другой город, ни поступить куда-либо на работу я не могу за отсутствием бумаг. Я остался вторично в самом тяжелом материальном положении. Я убедительно прошу Вас помочь мне выйти из создавшегося тупика и сообщить мне, какие меры и куда я должен обратиться за пропавшими моими документами.

Н. Морозов.

9 Августа 1933 г<ода>»⁶.

⁵ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1: Д. 64. С. 138; Д. 221. С. 310; Д. 244. С. 191-194; Д. 247. С. 401-403; Д. 378. С. 232; Д. 405. С. 43; Д. 439. С. 316-321; Д. 441. С. 108-109; Д. 623. С. 23; Д. 1446. С. 81, 161.

⁶ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 978. С. 32. Автограф.

В тот же день, 9 августа 1933 — Николай Павлович Морозов отправил Екатерине Павловне второе письмо.

«9 Августа 1933 г<ода>».

Уважаемая Екатерина Павловна!

Обращаюсь к Вам с убедительной просьбой помочь мне выяснить один вопрос, сильно меня морально мучающий. В 1917 году я окончил училище Правоведения. Со школьной скамьи я сразу же вступил на трудовой путь. Работал на крупных должностях в ВСНХ и др<угих> учреждениях, а с 1920 года работа моя сосредоточилась по театральной работе. Членом союза Рабиса был с 1919 года и занимал ряд выборных должностей по союзной линии и работал много по общественной линии. Так продолжалось до Июня 1927 года, когда я был арестован и выслан сначала на 3 года в Сибирь, а затем на 3 года высылки с прикреплением в г<ород> Ржев по своему выбору. В Сибири я нес по мере сил и возможностей работу (организовывал и вел ряд драм<атических> кружков в селах, ликвидировал неграмотность, обучал изобразительному искусству, принимал деятельное художественное участие в проведении всех торжественных дней и т<ак> д<алее>). В Ржеве я сразу же поступил в Гор<одской> театр в качестве бутафора, реквизитора и консультанта дирекции по худ<ожественно>-администр<ативной> работе. Прослужил в театре непрерывно около 3-х лет, когда меня перебросили на 6 месяцев по разгрузке Ржева в г<ород> Сычевку согласно моему выбору. В Сычевке, к сожалению, постоянной работы мне достать не удалось, я имел непостоянную работу в местном кинотеатре в качестве аккомпаниатора под картины и рисовал плакаты и афиши. Существовал, сам делая игрушки из фанеры и продавая их на базаре. По окончании моего срока ссылки я переехал в г<ород> Ржев, где был вновь принят сразу же на работу в театр в качестве отв<етственного> администратора и бутафора. Как указываю в другом моем заявлении, в числе причин снятия меня с работы было мое положение, как б<ывшего> адм<инистративно> высл<анного>. Одно небольшое лицо, кому мое назначение уязвило ли самолюбие или не понравилась моя физиономия, пользуясь моим прошлым и положением б<ывшего> адм<инистративно> высл<анного>, и тем, что мой отец был генерал (умер в 1931 году), добилось через власть имущих лиц моего увольнения, тем более легкого, что я нахожусь без всяких документов. Я вступил в жизнь после переворота, я вырос жизненно при Сов<етской> власти, я политически грамотный, впитал с жизнью все основы Сов<етского> строя, я мыслю лишь мыслями теперешнего дня и прошлое мое лишь то, что я был сыном дворянина, к несчастью для меня получившего звание генерала на фронте. Всю жизнь я работаю, никогда не получал взысканий, наоборот, имею много устных и письменных подтверждений в честной, исполнительной работе. Я знаю слова парт<ийных> вождей, что дети не ответственны за отцов, я знаю слова парт<ийных> вождей, что люди, доказавшие своей работой преданность рабочему классу, имеют право забыть свое прошлое. А у меня ведь оно невольное, ведь я разве могу отвечать, что родился дворянином, что меня отдали 9 лет в Учил<ище> Правоведения, и что на войне мой отец получил генеральский чин. На днях Сов<етская> власть наградила и простила тысячи преступников, людей действительно совершивших преступления против Сов<етской> власти, но доказавших работой свою преданность рабочему классу. Я маленький винтик в большой машине, я, к сожалению, работал благодаря судьбе, забросившей меня в ржевский театр простым бутафором, и не попал на

постройку канала. Но я служил, даже будучи высланным. Теперь же, кончив срок, меня увольняют, как б<ывшего> высланного, как б<ывшего> дворянина. Я морально страдаю. Я сделался совершенно с ног до головы сов<етским> работник, а меня бьют все моим, не мною заслуженным прошлым. Что мне делать, как и где работать, чтобы смыть, наконец, это мое прошлое, к кому мне обратиться. Я готов на любые испытания, я готов работать и работать, но я хочу наконец-то добиться доверия Сов<етской> власти и я убежден, что правда есть и, если в провинции еще существует к сожалению т<ак> наз<ываемая> власть на местах, не совсем разбирающаяся грамотно и в делах, и в людях, то в центре правда и закон имеются. Помогите мне, я искренне Вам пишу, ибо действительно и хотел и хочу быть честным, трудолюбивым советским работником, равноправным со всеми. Никакого преступления на моей совести против Сов<етской> власти нет, а если бы даже во время своей жизни я и делал в первые годы невольные промахи бессознательно, то этот момент перерождения был естественен. Сейчас этого конечно давным-давно нет. Я буду ждать с нетерпением от Вас ответа, ибо не знаю что делать, к кому обратиться, чтобы сказать про наблевшую обиду за невольное для меня прошлое.

Н. Морозов

Ржев Зап<адной> обл<асти>.
Гор<одской> театр.
Николай Павлович Морозов»⁷.

*В декабре 1935 — об облегчении участи Николая Павловича Морозова вновь просили помощи Помполита*⁸.

---

⁷ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1446. С. 33-34. Автограф.

⁸ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1446. С. 81, 161.